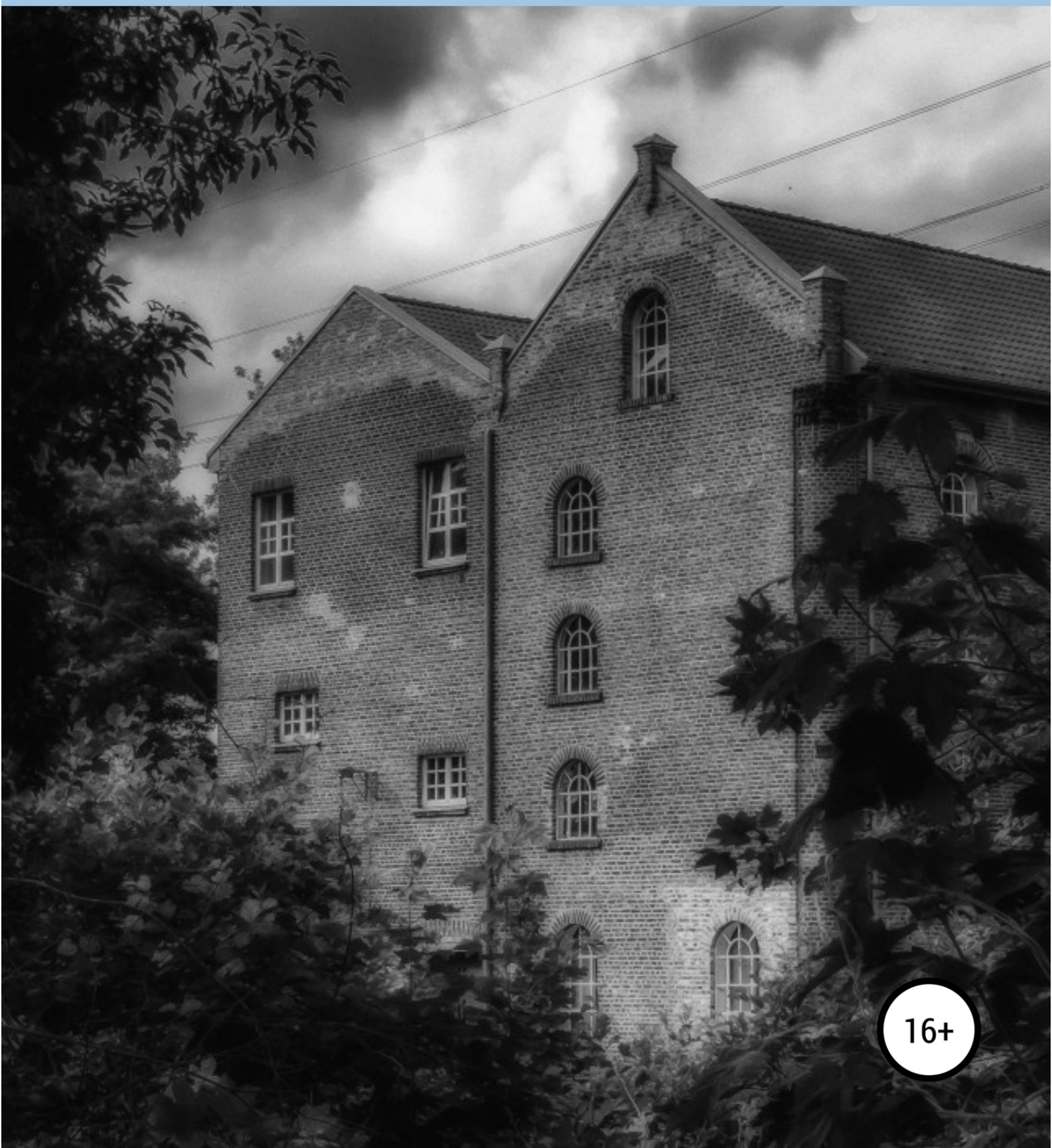

Малько Татьяна

Ледяная Леди

16+

Татьяна Малько
Ледяная Леди

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Малько Т. В.

Ледяная Леди / Т. В. Малько — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Никто в семье Мейн не подозревал, чем обернется переезд в новую местность. Очаровательные сельские пейзажи. Необъятные сады, полные укромных уголков и зелени. Песчаный берег, омываемый волнами. Милые соседи, готовые полюбить каждого, кто пожелает остаться здесь навсегда. Собственный дом с просторным садом и уютным двориком. Что еще нужно семье с пятью ребятишками, уставшей скитаться по чужим углам? Но все меняется, когда появляется она. Незнакомка с васильковыми глазами. Является без приглашения, входит в дом без стука, уходит, не прощаясь. Гуляет тайными тропами. Заводит беседы с кем пожелает. Замолкает на полуслове. Да кто же она такая?

Содержание

Часть I	6
1	6
2	8
3	11
4	13
5	16
6	19
7	24
8	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии
CC0

Часть I

1

Мы переехали в Джибелоу в конце октября, когда первые заморозки остались далеко позади, а крыша нового дома успела обрасти основательной мерзлой коркой. Если бы не внезапная болезнь Лили, задержавшая всю семью, кроме папы, в бабушкиной усадьбе дольше положенного, наши чемоданы уже давно покрылись бы пылью на чердаке Береговой Бухты, а дети, за исключением младшей, успели бы в школу вовремя. Но случилось как случилось. И винить было некого. Отец уехал первым, чтобы приступить к работе в срок, и несколько недель жил в новом доме один, ожидая приезда остальных.

Джибелоу встречал неприветливо – ледяным дождем и промозглой сыростью. Несколько дней мы не высовывали носа из Береговой Бухты, хотя всем так не терпелось познакомиться с новыми обширными владениями. Впервые за время странствий по съемным углам и чужим жилищам, семья Мейн обрела постоянный дом и собственный участок, на котором нашлось достаточно места для всех детских забав, какие только можно было придумать. Ближайшая школа располагалась в нескольких километрах от усадьбы. Подразумевалось, что в хорошую погоду мы сможем ходить туда пешком, а к холодам обещали организовать подвоз. Но что-то застопорилось. Автобус не спешил. Из-за задержки с приездом нас не сразу внесли в списки. К тому же оказалось, что в местной школе не преподают немецкий, который мы с Жанной начали изучать в прошлом году, и уже встал вопрос, не лучше ли будет посылать к нам трижды в неделю учителя из города, когда директору сообщили, что едет новый преподаватель. Обещали, что он не только знает немецкий, но владеет еще как минимум двумя языками и находится на полпути к месту работы. Жить он тоже планировал в Джибелоу и даже, кажется, совсем рядом с нами. Это решало сразу оба вопроса. Однако пару недель требовалось подождать. Маме такое начало не больно-то нравилось: мы и так порядочно задержались, даже с учетом того, что к учебе здесь приступали позже, в конце сентября, а хлопот после переезда у нее, разумеется, нашлось немало. Она попыталась выкроить время для домашних занятий, да только возиться с нами ей было некогда, и мы с Жанной большую часть времени были предоставлены сами себе. Мама, опасаясь помех со стороны младших, позволила нам самостоятельно обследовать чердак во время дневного сна Лили и Макса в обмен на обещание присматривать за ними все остальное время. Не оставалось ничего, кроме как согласиться: чердак манил ненайденными сокровищами, да и приглядывать за малышами оказалось больше некому – старшая Юлия была снаряжена в подмогу маме и сменяла нас лишь на несколько часов в день, пока хозяйка занималась готовкой. Папа весь ушел в работу, и мы практически не видели его с момента переезда. Возвращался он поздно вечером, уезжал ранним утром, когда за окном еще стояла промозглая тьма.

Говорили, что жители Джибелоу не блещут гостеприимством. И правда, за две недели, проведенные в четырех стенах до приезда нового учителя, в наш дом не заглянул никто, за единственным исключением. Возможно, дело было в погоде. Дождь лил, не переставая, сменяясь мокрым снегом, и ледяные крупинки то и дело застревали по другую сторону оконных рам. Казалось, просвета не будет. Становилось все темнее и тоскливее. В единственный сухой день, когда сквозь плотные тучи просвечивало тусклое, скупое солнце, мы уже не ждали гостей. В этот-то день она и пожаловала.

Стоит сказать, что накануне мы провели долгий вечер, раскапывая внезапно обнаруженные на дне старой картонной коробки сокровища. Ящик лежал в самом дальнем чердачном углу, и наткнулись на него мы только на шестой день пребывания в Береговой Бухте, когда

уже и не надеялись найти что-то интересное среди пошарпанных пластинок и дырявых ракеток для игры в бадминтон. Пожалуй, некоторый интерес представляли альбомы с карандашными набросками одного и того же девичьего лица, изредка перемежаемые силуэтами животных и крохотными, на пол-ладони, пейзажами, надо полагать, срисованными с натуральных видов Джибеллоу. Кто такая юная модель и где находятся эти заросшие кустарником поляны, еще предстояло выяснить, а пока мы с увлечением приступили к изучению заманчивой находки. В ней были игры: знакомые по начальной школе «Хей-лоу» и «Снежный ком», забытые кем-то камешки для Батуми и еще несколько известных нам по описанию и из личного игрового опыта. Но самыми любопытными оказались две новые, которых мы не только раньше не видели, но даже не знали об их существовании. Первая была упакована в маленькую деревянную коробку, на которой не обнаружилось ни названия, ни какого-либо рисунка, но внутри нашлась целая россыпь цветных фишек разных размеров и несколько плотных, склеенных в местах сгибов и разрывов липкой лентой листов, расчерченных на цветные клетки. Правил мы не отыскивали, но здесь можно было дать волю фантазии. Какое-то время все развлекались тем, что придумывали их, с каждым разом все более усложняя и запутывая условия выигрыша.

Любопытней оказалась вторая находка, которая была завернута в газетную бумагу и состояла из карт, с виду обычных, которые используют для игры в Абракадабру и Барбу, но таящих немало сюрпризов. Именно они занимали наше внимание несколько часов кряду. Помимо цифр, на каждой из картонок имелся рисунок, причем всегда новый. Некоторые изображения стерлись и угадывались с трудом, но большинство хорошо сохранились. Каждый рисунок можно было трактовать по-разному: там, где я видела птицу, Жанна узнавала льва или дерево, младшая Лили никогда не соглашалась с нами, а предлагала свои варианты. Макс играть отказался и занимался заурядными камушками: собирал их в кучки по цветам и размерам, складывал в длинную линию или геометрический узор.

2

День, когда Джибеллоу подарил вновь прибывшим первое солнце, мы почти весь провели в саду. Сад был старым и запущенным, и папа сказал, что доберемся до его благоустройства мы нескоро, в лучшем случае – летом. Нас такое положение дел вполне устраивало: заросли казались заманчивыми и таинственными. Здесь можно было играть в прятки или в сказочный замок, к которому нужно пробираться через дикий лес. Мы уже предвкушали, как летом соорудим себе дом на дереве или в кустах бирючины. Жанна увлеклась идеей связать качели из плетущихся растений, а Макс подумывал о веревочной лестнице, по которой можно будет взбираться на самую верхушку огромной липы. Лили легко скрывалась за стволами деревьев, и несколько раз мы ее едва не потеряли. Малышка обладала удивительной способностью исчезать и появляться в самые неожиданные моменты и могла часами стоять на одном месте не шелохнувшись. В отличие от нее Макс всегда обнаруживал свое присутствие задолго до того, как его начинали искать. Он просто выходил из убежища и отправлялся по своим делам. К ужину мы вернулись домой, изрядно потрепанные и испачканные. Поэтому первым делом мама отправила всех умываться и приводить себя в порядок.

На ужин приготовили медовые куриные крылышки, которые мы безумно любили, поэтому настроение в тот вечер было приподнятое у всех без исключения членов семьи. Папа по обыкновению задерживался и вполне вероятно мог заночевать в городе у своего коллеги, что он нередко делал, если приходилось работать допоздна.

После ужина сытая компания перебралась в гостиную, где уже давно полыхал огонь в камине. Было тепло и сказочно уютно. Юлия принесла горячее какао и свежеспеченные пряники с гвоздикой и имбирем. Мы с Жанной притащили вниз найденные накануне игры и поочередно сыграли в каждую, начиная с самых простых и давно знакомых и потихоньку подбираясь к таинственной и малоизвестной – той самой, завернутой в газету, правила которой оставались для нас загадкой. Мама сыграла с нами несколько раундов в Снежный ком и домино, после чего устроилась в кресле и задремала. А мы разложили притягательные карты изображениями вверх и начали фантазировать, находя все новые и новые трактовки необычным рисункам.

В этот-то момент и появилась она – дама с прозрачными глазами. На ней было синее пальто, темная юбка в пол, а волосы скрывались под теплым платком из мягкой шерсти. Никто из нас не смог бы сказать, как долго она простояла в дверях, прежде чем ее заметили. Вошла ли она только что или долгое время наблюдала за нами, скрытая тенью в глубине дверного проема – кто знает? Мама спала, безмятежно отдавшись во владение тепла и сновидений. А мы были настолько увлечены своими занятиями, что едва бы обратили внимание на влетевший в окно самолет. И только испуганный взгляд Лили, направленный в сторону распахнутой двери, заставил всех обернуться. Женщина стояла выпрямившись, слегка наклонив голову, и казалась увлеченной наблюдением за игрой.

– Что ж, у Ледяной леди могли бы быть и такие правила, – сказала она, сделав шаг в нашем направлении.

– Ледяной леди? Кто это? – Макс, по обыкновению отказавшийся участвовать в непонятной ему забаве, внезапно оторвался от раскладывания гладких камешков и вопросительно уставился на незнакомку.

– Ледяная леди. Так называется игра. Когда-то в нее играли все дети в Джибеллоу. Но после забросили. Хотя правила, наверняка, помнят и сейчас.

– А вы знаете как играть правильно? – недоверчиво поинтересовалась Жанна.

– Конечно. Я всю жизнь провела в Джибеллоу. Мой дом там, на холме, – кивнула она в сторону окна.

Окно в гостиной выходило на заброшенный сад. Папа говорил, что где-то в той стороне находится река, которая впадает в местное озеро, но, чтобы добраться к нему, надо прошагать не один километр пешком, о чем в такую погоду и думать не стоит. К тому же, там начинаются чужие владения, в которые вторгаться без разрешения никак нельзя. Среди бушующих деревьев мы могли видеть только верхушку крыши и крохотное чердачное окошко соседнего дома. Вероятно, в нем и жила наша поздняя гостья.

– Так вы наша соседка? – оживилась Юлия. – Мы с мамой все собирались заглянуть к вам познакомиться. Но эти хлопоты... Сейчас я ее разбужу, мама будет очень рада...

– Нет, нет, не стоит, милая. Ваша мама, конечно, устала. Привести в порядок такой дом нелегко. Да и почти в одиночку. Ваш отец так редко бывает дома...

Последнее она произнесла с такой уверенностью и загадочной улыбкой, что мне на миг показалось, что незнакомка рада постоянному отсутствию нашего отца.

– Я загляну к вам в другой раз. Не так поздно. Сейчас я просто возвращалась от своей тети – она живет на другой стороне озера – и увидела свет в окнах. Вот решила зайти с приветствием.

Незнакомка кивнула и собиралась выйти, когда Жанна задала не дававший ей покоя вопрос:

– Так вы покажете нам, как играть в Ледяную леди?

– Конечно, милая. Но не сегодня. Думаю, ваш вариант ничуть не хуже. Кстати, я могу подарить тебе коробку для игры в Батуми, – продолжила она, уже обращаясь к Макс, тем самым поставив точку в беседе с Жанной. – Твоя никуда не годится.

Треснувшая по центру коробка, которую Макс приспособил под разноцветные камушки, была найдена под горой деревянного хлама в камине. Вероятно, его собирались сжечь, но по каким-то причинам не успели. Глаза Макса загорелись: он всегда предпочитал заниматься камнями в одиночестве, и единственным, чего ему не хватало, была целая коробка, а вовсе не товарищ по игре.

– Что ж я принесу ее в следующий раз. До скорого, юные леди!

С этими словами незнакомка удалилась, так же тихо и незаметно, как появилась.

Просидев несколько минут в тишине и осмысливая разговор, мы с Жанной внезапно подскочили и вышли в коридор. Двумя днями ранее в одном из шкафчиков в кладовой мама обнаружила целую россыпь металлических колокольчиков – крохотных, но изумительно красивых. Звенели они очень приятно, нежно. Поддавшись порыву, мама развесила их по коридорному потолку, который был словно специально для того предназначен: по всей его площади в разные стороны разбежались декоративные гипсовые завитки. Папа предположил, что колокольчики когда-то использовали в саду для отпугивания птиц, хотя они вполне могли служить и рождественскими украшениями. Теперь они красовались в коридоре и своим мелодичным звоном должны были оповещать о прибытии любого гостя: едва открывалась входная дверь, как по всему первому этажу разносилась легкая мелодия, сотканная из невесомости. Именно по этой причине мы с Жанной выбежали в коридор вслед за неожиданной гостьей. Колокольчики молчали. Странно, что мы не услышали их, если учесть, что в доме стояла полная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров и завыванием ветра за старыми оконными рамами.

Жанна удивленно пожалала плечами и вернулась в гостиную, я же распахнула входную дверь и выглянула наружу. Колокольчики тут же отозвались хрустальным звоном. Во дворе не было никого. Подъездная дорожка оказалась пустой, как и главная дорога, видневшаяся вдали. Конечно, у незнакомки было достаточно времени, чтобы скрыться в зарослях шелковицы и плодовых деревьев. Скорей всего, она отправилась в свой дом неизвестным нам путем, напрямик, через сад. Станным было другое: почему дверь оказалась незапертой? Мама никогда не садилась ужинать, предварительно не удостоверившись, что все задвижки и замки защелкнуты, особенно, если папа задерживался в городе, а мы оставались ночевать одни.

– Это я забыла запереть дверь, – Юлия, вышедшая в коридор, словно прочла мои мысли. – Мама готовила соус к крылышкам и попросила меня проверить, заперты ли мы. Но я видела, как вы с Жанной возвращались домой и поворачивали замок, поэтому не стала проверять.

Действительно, я хорошо помнила, как мы с сестрой задержались у двери, чтобы закрыть ее, но вот сделали ли мы это или, увлекшись болтовней, забыли, сказать с уверенностью не могла. Значит, все-таки забыли.

– Не говори маме, ладно? – попросила Юля. – В следующий раз я обязательно проверю, а так мама расстроится и не станет на меня больше полагаться.

– Конечно. Тем более, мы с Жанной тоже виноваты. Да и ничего страшного не случилось.

В ту ночь Лили спала плохо. Она металась по кровати, вскрикивала и беззвучно плакала во сне. Первое время, пока дом не обрел жилой вид, все дети, кроме Юлии, ночевали в одной комнате. Мы с Лили делили одну постель на двоих, а Макс спал рядом с Жанной, к чьей кровати была придвинута небольшая тахта. Мама обещала, что по окончании ремонта у нас с Жанной будут отдельные комнаты, а малыши останутся вдвоем в большой детской. Юлия пока устроилась в крохотной коморке у чердака, где, кроме кровати и маленького стола, ничего больше не помещалось. Но ей там нравилось, поскольку она любила уединение и долгие часы проводила за столом, что-то записывая. На все вопросы о своих трудах сестра расплывчато отвечала «увидите».

В ту ночь из-за беспокойства Лили никто из нас толком не выспался, разве что Максу это удалось: его сон не мог потревожить даже грохот рвущихся орудий, а стенания Лили были не настолько громкими.

3

Утром за завтраком все сидели хмурые и уставшие. Никто практически не притронулся к чудесным маминым блинчикам, чего никогда раньше не случалось. Мама испугалась, не заболели ли мы после вчерашней прогулки, и отправила всех обратно в постель. За окном вновь царил непогода, поэтому о прогулке в саду мечтать не приходилось. Почти весь день мы провели, читая и разглядывая найденные на чердаке книжки. Макс пристроился на подоконнике среди кучи подушек. Это место, самое уютное в нашей комнате, стало его убежищем сразу по приезду, и никто не претендовал занять его. Подоконники во всем доме были огромными, настолько, что там вполне мог поместиться взрослый, не только ребенок.

Настроение по неизвестной причине у всех было слегка подавленным, но особенно хмурой казалась Лили: она уже не плакала и даже не помнила, насколько беспокойной стала последняя ночь, но все время вздыхала и ни к чему не проявляла интереса. В обеденное время, когда Юлия пришла звать нас в столовую, Лили даже не приподняла голову с подушки.

– Пойдем вниз, Лили! Пора обедать.

– Я не хочу есть.

К вечеру у Лили поднялась температура. Ближайшая аптека находилась в городе, мама попыталась связаться с папой, но в его конторе никто не брал трубку. Самым разумным решением было позвать местного доктора – мистера Квоу, который жил в западной стороне Джибеллоу, в паре километров от нас. Мама решила сходить за ним пешком, поскольку телефон в доме еще не подключили, а беспокоить соседей в такое время, не будучи с ними знакомыми, казалось ей бестактным. Тут я чуть было не проговорила о нашей случайной гостье, но Жанна вовремя одернула меня. Состояние Лили особых опасений пока не вызывало, да и доктор наверняка не откажется пойти с мамой, если она придет к нему за помощью сама.

Мама ушла, а мы уселись в маленькой столовой, где сегодня казалось уютнее, чем в огромной гостиной. Лили полулежала в мягком кресле, завернутая в теплый шерстяной плед, и только блестящие от жара глаза выделялись на ее бледном печальном личике. Макс по-прежнему невозмутимо раскладывал свои камни.

В дверь постучали. Мы с Жанной подпрыгнули от неожиданности: мама только покинула дом и наверняка не успела дойти даже до главной дороги. Впрочем, это мог быть отец. Он нередко возвращался внезапно.

– Кто там? – осторожно поинтересовалась Жанна, в то время, как я безуспешно пыталась высмотреть неожиданного посетителя через крохотное окошко в коридоре. Вместо прозрачного стекла оно было заложено разноцветными витражами, через которые удавалось различить разве что очертания.

– Это я, ваша соседка. Я принесла коробку для Макса и кое-что для вас, милые леди.

Мы с Жанной переглянулись: открыть дверь незнакомке означало нарушить мамин приказ, с другой стороны, было бы совсем невежливо заставить ее дожидаться маминого прихода на крыльце, да еще в такую непогоду.

Рассудив так, мы одновременно пришли к одному и тому же выводу и впустили промокшую даму внутрь.

– Подумать только, такой дождь, а я оставила зонт дома! Хорошо, что напрямик идти совсем недалеко. А мне непременно нужно было сегодня повидаться с вами, чтобы отдать обещанное.

Мы проводили Леди в столовую, где Юлия безуспешно пыталась напоить Лили горячим малиновым чаем, поскольку та упорно отворачивалась и не желала подчиняться.

– О, ваша сестра больна, – сокрушенно проговорила дама и устремила прямым взглядом креслу Лили. Она погладила ее по голове и что-то прошептала. Слов мы не услышали, но Лили,

которая до этого проявляла несвойственное ей упрямство, неожиданно согласилась выпить немного чая и даже сама взяла ложку.

Леди подошла к Максу и протянула ему деревянную коробку с ячейками. Радости сдержанного Макса не было предела, как и нашей с Жанной, когда следом за коробкой появилось картонное поле с указаниями для игры в Ледяную Леди.

– Что ж, мой долг выполнен, и, пожалуй, пора домой, – подождяв, пока восторги утихнут, гостя внезапно поднялась со стула рядом с камином, куда мы усадили ее обсохнуть и согреться, и направилась к двери. – Я и так порядочно задержалась.

Никакие уговоры остаться и дождаться маминого возвращения не подействовали, и, оставив нас в недоумении, Леди вышла во двор.

Через полчаса вернулась мама в сопровождении невысокого, слегка полноватого джентльмена в плаще и шляпе. Доктор осмотрел сестру и успокоил маму заверениями, что болезнь совсем нестрашна и крепкий организм Лили через день-два пойдет на поправку, а пока следует соблюдать постельный режим и больше пить.

Доктор, в отличие от незнакомки, от чая не отказался и с удовольствием устроился на стуле у камина, дожидаясь, когда мама с Юлей закончат приготовления. Мы сидели рядом, пытаясь разобраться в правилах игры, когда врач, внимательно наблюдавший за нами, задумчиво произнес:

– Давно я не видел этих картинок. Где вы отыскиали их?

– На чердаке, – хором отозвались мы с Жанной.

– А поле с правилами нам принесла соседка, – неуверенно добавила я, поскольку мы еще не решили, стоит ли посвящать маму в таинственные появления Леди до их знакомства.

– Миссис Гринк? Откуда они у нее?

– Так ее зовут миссис Гринк! Вы о высокой даме со светлыми глазами?

– Высокой? Возможно, для вас она кажется такой, но уж я-то бы не назвал миссис Гринк высокой. Мне ли не знать, что такое быть ниже среднего, – доктор внезапно расхохотался.

В этот момент в комнату вошла мама с подносом, на котором громоздились чашки и небольшой любимый ею чайник с ежевичным рисунком. Папа подарил этот сервиз молодой жене сразу после свадьбы, и она очень дорожила им и ставила на стол только для самых важных гостей. Видимо, доктор, развеявший ее опасения насчет часто болеющей Лили, показался ей таковым. Устроившись у стола, мистер Квоу как будто позабыл о нас и о загадочной игре, и с аппетитом принялся отхлебывать чай, закусывая бутербродами и пряниками. Насытившись, удовлетворенно похлопал себя по круглому животу, и, поблагодарив маму, устремился к выходу. Мама попросила меня проводить гостя и закрыть за ним дверь.

– Не увлекайтесь игрой, юная леди, – проговорил доктор, устраивая на лысоватой голове шляпу, похожую на гнездо. – Она порой показывает то, что видеть не стоит.

От удивления я не смогла проговорить ни слова, хотя в голове моей пронеслась сотня вопросов. Подмигнув на прощание, доктор скрылся за дверью.

4

На следующей неделе за нами приехал школьный автобус. Лили уже вполне оправилась после болезни, и мы с облегчением оставили ее в заботливых маминых руках. Увлечшись занятиями и новыми знакомствами, мы совсем позабыли о таинственной леди и ее подарке. Да и она перестала приходить. Вот тут-то и началось все самое странное, о чем и сегодня я вспоминаю с содроганием и страхом.

Как-то вечером в поисках лучшего места для игр мы незаметно пересекли границы своего сада и вышли к соседнему дому. В лучах заходящего солнца он выглядел величественным и сияющим. Отблески заката играли на оконных стеклах, а крыша казалась охваченной пламенем.

Но стоило солнцу скрыться, как нашему взору предстало нечто темное и зловещее. Ни в одном окне не было видно света, стены дома были покрыты сухими побегами и чем-то серым, напоминающим мох или лишайник. Ступени крыльца потрескались и покрылись пылью и грязью. Деревья плотно сомкнули свои ветви и нависали над строением мрачным пологом. Сначала мы удивились: наша гостья, миссис Гринк, выглядела такой ухоженной и утонченной. Как могла она допустить, чтобы ее жилище обрело столь непривлекательный вид? Возможно, мы ошиблись и дом ее находится в другой стороне, а это все лишь чей-то старый заброшенный особняк. Но разве не сказала она, что живет на холме, и разве не кивнула в эту сторону?

Макс как обычно сохранял невозмутимый вид, а вот Лили стала заметно нервничать и проситься домой. В смешанных чувствах мы покинули странное место и отправились в наш, не самый ухоженный, но приветливый и полный жизни сад. Игра в этот день больше не ладилась, и мы вернулись домой, расстроенные и притихшие. Папа в тот вечер вернулся домой раньше, что несколько улучшило наше настроение и на какое-то время заставило забыть о том, что мы увидели на холме.

– Так как ваши дела в школе? – поинтересовался отец.

Выслушав наши с Жанной эмоциональные рассказы о новых друзьях и замечательном преподавателе немецкого, он бросил взгляд на Макса, который тихонько сидел в углу и перебирал счетные палочки.

– А ты как же, Макс? Тебе нечего рассказать о новой школе?

В ответ Макс лишь недоуменно пожал плечами и как ни в чем ни бывало продолжил свое занятие. Молчаливость Макса всегда казалась нам естественной, мама считала ее обычной или делала вид, но папа, от природы тоже не очень разговорчивый, но развивший в себе это умение по необходимости, всегда старался вызвать Макса на беседу.

Сегодня был как раз такой день: отцу во что бы то ни стало хотелось добиться от сына внятного ответа о делах в школе. Маму такие ситуации пугали. Она знала, что папа, в большинстве случаев сдержанный и владеющий собой, в общении с Максом часто терял терпение. Так случилось и сегодня: назревал взрыв, и мы с Жанной поспешили скрыться в своей комнате, чтобы не стать свидетелями папиного раздражения и слез Макса. Такое случалось. Нечасто, но с завидной периодичностью. Мы любили папу и жалели брата, поэтому спокойно смотреть на происходящее не могли.

– Ты понимаешь, Миа, что из-за своей нелюдимости он просто станет изгоем, отшельником! – кричал отец. – И это в лучшем случае. Вполне вероятно, что его запишут в идиоты, и тогда уже никакие тесты не помогут, ничего не докажешь...

Мама со свойственной ей мягкостью пыталась успокоить бурю, но в последнее время это удавалось редко. Отцу было сложно на новой работе, он то и дело приезжал уставшим или раздраженным, и любая мелочь могла вывести его из себя. Из десяти вечеров, проведенных им дома за последний месяц, лишь два были веселыми и закончились объятиями и пожеланиями

добрых снов. Страшно признаться, но иногда мы вздыхали с облегчением, узнав, что папа остается ночевать в городе. Порой казалось, и маму такие новости радуют.

Спрятавшись в безопасности собственной комнаты, мы с Жанной некоторое время сидели молча, осмысливая происходящее в столовой. Блуждая взглядом по столу, я неожиданно наткнулась на карточки Ледяной Леди и предложила Жанне разложить их в случайном порядке, наобум, как предлагала инструкция. Такой способ следовало использовать, когда хотелось узнать ответ на мучающий вопрос, «получить предсказание» – кажется, так это называлось. До этого мы редко пользовались таким вариантом. Мы никогда особенно не верили в гадания и, пару раз попытавшись и не получив понятного ответа, бросили эту затею. Гораздо интереснее было играть в «магическое число» или «картину ветров». Игра предлагала огромную массу вариаций и никогда не теряла своей новизны.

Но в этот раз мне хотелось знать, будет ли наше пребывание в Джибеллоу счастливым и задержимся ли мы здесь надолго. Наугад мы выбрали по карте и сравнили числа: так, согласно правилам, следовало определить «мага», гадающего. Раскладывать картинки выпало мне. Я аккуратно перемешала карточки и начала вытягивать по одной, периодически посмеиваясь или напуская на себя серьезный вид. Я даже накинула на голову шелковый мамин шарф, который мы использовали в качестве «ритуального одеяния» – игра предлагала взять для этих целей «любую шелковую вещь небелого цвета». Через несколько минут, вопреки моему скептицизму, в разложенных на полу карточках начала проследиваться связь: одни завитки соединялись с другими, линии находили продолжение на соседней картинке и, порядком увлекшись, я перестала смеяться и начала испытывать нетерпение. Что же такое хотят сказать нам карты?

Жанна, заразившись моим энтузиазмом, напряженно застыла рядом, вглядываясь в рисунки так внимательно, словно хотела запомнить каждый из них. Еще не положив последнюю картинку, мы с сестрой в ужасе уставились друг на друга: из верхних линий совершенно четко образовался вытянутый и сужающийся книзу полукруг, внутри которого из тонких едва заметных линий складывались две ямы-глазницы. Было глупо отрицать очевидное: ничего хорошего пребывание в Джибеллоу нам не сулило. Вряд ли череп мог предвещать счастье.

В отчаянии я смешала карты и отшвырнула в сторону поле с правилами. Жанна испуганно моргала и сжимала в руке последнее изображение, которое должно было довершить свидетельство нашей гибели.

– Может быть, нам показалось? – едва слышно прошептала она.

– Сразу обеим? – ехидно поинтересовалась я. Будучи не столь впечатлительной, я уже немного пришла в себя, да и выплеснутые эмоции больше не владели мной.

В нашей семье сосуществовали два противоположных начала. Мамина мягкость вместе с чувствительностью почти полностью передались Жанне, а вот мне в нагрузку к вспыльчивости и энергичности досталась раздражительность отца. Правда, к справедливости стоит заметить, что я, как и он, контроль над собой теряла редко и очень быстро сменяла гнев на милость: за вспышкой злости всегда следовало раскаяние.

– Ерунда, Жанна, – попыталась я успокоить сестру. – Наверное, в игре все картинки такие, просто раньше мы не обращали внимания, поэтому ничего не выходило.

– Да нет, – Жанна покачала головой. – Я рассматривала их сотню раз, ни одна не повторяется.

– Ладно, пусть так. Но это всего лишь дурацкие карты. Ничего такого они нам не сделают. Как какие-то бумажки могут нам навредить?

Жанна не ответила, а задумчиво пробормотала:

– А что если попросить совета у миссис Гринк? Она ведь пользовалась игрой еще до нас и должна знать, что все это значит.

Предложение Жанны показалось мне разумным: кто как не владелец правил даст нам объяснение? Решено было отправиться к дому миссис Гринк сразу после школы. Темнело

теперь рано, но, если не тянуть с обедом, можно улизнуть из дома еще засветло. Только не стоит в этот раз брать малышей. И вообще мы не собирались пока никому говорить о «предсказании». В лучшем случае нас сочтут наивными глупышками, в худшем – мы можем посеять страх в душах малышей и родителей, чего нам вовсе не хотелось.

5

Следующим утром мы с нетерпением ожидали школьного автобуса. Думалось, чем раньше уедем, тем быстрее закончатся занятия, и мы сможем наконец поделиться своей тайной с кем-то из взрослых. Наверняка, миссис Гринк подскажет, как быть.

Занятия, как назло, в тот день тянулись медленно: казалось, часовая стрелка на круглом циферблате школьных часов совсем не движется, к тому же нас с Жанной задержали после уроков, чтобы обсудить участие в школьном спектакле, посвященном празднованию Озерного Дня. Последний считался исключительно местной традицией и призван был отпугивать всякую нечисть, которой, согласно древним поверьям, в Джибелоу водилось немало. Вероятно, мало кто из джибелоуцев сегодня верил в ее существование, однако древние обычаи местные жители соблюдали неукоснительно и отказываться от веселья в тоскливую зимнюю пору не собирались. Да и Озеру в Джибелоу придавали особое значение. Оно считалось чуть ли не хранителем местности и воспринималось всеми жителями как живое существо. И неудивительно: озеро поражало своими размерами и нравом любого, кто ступал на его берег. Из-за бескрайности водной глади и способности создавать волны многие старожилы называли его морем. Говорили, что в старину немало рыбаков оставили в озере свои лодки и жизни. Особое могущество обретало оно осенью – волны становились сильными и высокими и напоминали океан.

Традиционно главное действо с участием подводного вепря и его своры, которую должны были победить и отправить прочь в озерные глубины жители Джибелоу, готовили школьники. Участники спектакля обязательно менялись ролями каждый год, а так как детей в Джибелоу было немного, нас тут же подключили к подготовке. Нам с Жанной достались не самые значимые роли, почти без слов, но тем не менее пришлось порядком задержаться. Макса включили в «хвост вепря», что его вполне устроило, поскольку под рваными сине-зелеными лохмотьями видны были только ноги, да и говорить «хвосту», разумеется, не требовалось. О большей удаче брат не мог и мечтать.

Освободившись наконец, мы поняли, что добраться до дома на холме раньше заката нам вряд ли удастся, но тем не менее от плана улизнуть после обеда не отказались.

Как ни странно, все сложилось как нельзя лучше. В гости как раз пожаловала одна из жительниц Джибелоу, и мама не стала задерживать нас в столовой. В последнее время в наш дом частенько заходили местные дамы: по всей видимости, все, что им требовалось для начала визитов, – это обрести уверенность, что мы всерьез намерены поселиться в Береговой Бухте. Зачисление детей в местную школу и проведенные здесь полтора месяца с задачей справились – нас пока не причислили к джибелоуцам, но признали своими.

Оставив Макса присматривать за спящей Лили, мы незаметно выскользнули из дома. На улице лежал легкий снег, и мы с удовольствием шагали через сад по нетронутому воздушному полотну. На гладкой поверхности появлялись узоры, дышалось легко и свободно, и к таинственному дому мы подошли в приподнятом настроении. Вокруг него по-прежнему царило запустение, слегка прихорошенное белизной. Мы не появлялись здесь с того самого раза, когда строение показалось нежилым и Лили потребовала уйти. Теперь мы убедились, что дом и в самом деле необитаем: в чердачном окошке даже не было стекла, не то что света, не говоря уже о поломанных ставнях на втором этаже и вырванных с корнем перилах крыльца. Нашим пытливым взорам открылись и другие, не такие заметные на первый взгляд, но теперь отчетливо проступившие свидетельства разрушения: разбитый горшок на подоконнике, отсутствие дыма из трубы, осыпавшаяся в некоторых местах черепица. Даже если предположить, что все это – мелочи, с которыми можно жить, на отсутствие обитателей в доме указывали и темные окна. Как и в первое наше посещение, ни в одном из них не виднелось даже огонька. Жанна указала и на отсутствие следов у крыльца.

– Все верно. Я не живу теперь в Укромном уголке, – голос Ледяной Леди в звенящей тишине раздался так неожиданно, что мы обе чуть не подскочили от испуга. – Мне пришлось переехать к тете. Поддерживать такой дом в порядке в одиночку – задача не из легких. Когда-то здесь было полно обитателей, но все разбрелось по свету. Осталась только я.

Посчитав вопрос о мистере Гринке бестактным (кто знает, вдруг он оказался негодяем и бросил миссис Гринк в одиночестве или, того хуже, бессрочно скончался) и проглотив его, я сразу перешла к делу, которое нас сюда привело:

– Мы с Жанной пришли к вам за помощью, – глаза Леди на миг блеснули, как мне показалось, с торжеством и злорадством, но тут же вновь обрели свой бесстрастный вид, что помешало мне уловить точное их выражение. Показалось?

– Мы играли в «предсказания», – продолжила Жанна, заметив мое замешательство. – И картинки сложились во что-то ужасное. Ведь это ничего не значит? – поспешно добавила Жанна, взглянув в лицо Леди с надеждой.

– Все зависит от вас, – проговорила Леди. – Сможете ли вы справиться с пророчеством, хватит ли вам смелости отменить его. Ледяная Леди – всего лишь бесстрастный предсказатель. Она не желает вам ничего плохого.

Последние слова миссис Гринк проговорила, глядя на чердачное окошко.

– Пожалуй, стекло стоило бы вставить. Когда-то я любила сидеть в комнатке под крышей. Оттуда открывается изумительный вид. Хотите взглянуть?

Мы с Жанной отрицательно покачали головой: заходить в мрачный дом совсем не хотелось.

– А я все-таки поднимусь. Люблю гулять по пустым комнатам Укромного уголка: здесь я провела немало прекрасных часов. И не только я. Столько воспоминаний! – с последними словами Леди ступила на первую ступеньку крыльца и, спустя короткое время, скрылась за дверью.

Мы с Жанной отправились домой. Дождаться возвращения миссис Гринк не имело смысла, а мама, чего доброго, хватится нас и начнет искать. Да и папа мог вернуться в любой момент, а ему совсем не понравится, что мы бродим по чужой территории, даже если ее владелица ничего не имеет против.

Слова Леди не только не помогли, но даже внесли больше растерянности в наши мысли. По возвращении домой мы решили на время забыть о странном «предсказании», а сосредоточиться на общении с семьей. Возможно, таким образом нам удастся изгнать дурное не только из головы, но и из нашего дома.

Вернулись мы вовремя: мама как раз прощалась с разговорчивой соседкой и, заметив нас с Жанной, попросила помочь Юле с печеньем, которое понемногу заготавливали к рождественскому празднику. Видимо, мама решила, что мы с Жанной на минуту вышли во двор.

– Всего доброго, Рея. Передавайте приветствие миссис Гринк, – последние слова удивили нас не меньше, чем ответ маминой гостьи.

– Конечно, я как раз собиралась зайти к ней по пути.

По пути? Разве за Укромным уголком есть еще какие-то дома? Папа говорил, что там только озеро. Или речь идет о посещении тетиного дома? Но тогда маминой знакомой вряд ли удастся застать миссис Гринк. Она наверняка все еще бродит по заброшенному особняку.

Однако сообщать маме о том, что вместо подготовки к урокам, для которой были отведены послеобеденные часы, мы занимались совсем другими делами, конечно, ни я, ни Жанна не стали. Да и встречать в разговоры взрослых в нашей семье считалось неприличным. Поэтому мы с сестрой только переглянулись и продолжили свой путь на кухню. Изготовление печенья заняло кучу времени, и о домашнем задании мы вспомнили только во время ужина. Конечно, можно было успеть сделать его и позже, но в тот вечер снова приехал папа, и нам пришлось просидеть в гостиной до одиннадцати часов. Сознаться отцу в том, что нарушили заведенный

порядок и вместо приготовления уроков отправились гулять, мы побоялись. Наказание оказалось бы достаточно суровым, а папина неумолимость во всем, что касалось занятий, была нам знакома. Во время вынужденного перерыва в учебе, когда мы ждали приезда нового учителя и организации подвоза, папа установил обязательные часы для учебы, которые следовало посвящать чтению и упражнениям по учебникам. Признаться, порой мы их нарушали, когда мама с Юлей оказывались заняты и проконтролировать нас было некому. Но сейчас ситуация сложилась иная. Кроме гнева отца, мы опасались заслужить негодование учителей. И если преподавателя немецкого нам было по силам заговорить, то с учителем математики такой номер не пройдет: он-то не даст нам спуска. Жанна предложила встать заранее и решить задачи, разделив на двоих, после чего обменяться решениями. Такая хитрость шла в ход и раньше, когда хотелось освободиться быстрее, правда, нас пару раз подлавливали на одинаковых ошибках. Но это все же было лучше, чем ничего. Вот только хватит ли нам времени после папиного отъезда и до того, как проснется мама? Так или иначе, другого варианта не было. Время отхода ко сну в дни папиных приездов контролировалось не менее строго, чем обязательство заканчивать подготовку уроков до ужина.

С тем мы и уснули. Заботы о заданиях вытеснили из мыслей тревожные предчувствия, связанные с предсказаниями Ледяной Леди.

6

Утром Жанна проснулась первой и успела разделаться почти со всеми задачами, оставив мне лишь две. Математика сестре давалась легко, я же имела склонность к природоведческому циклу, что также позволяло при необходимости выручать друг друга. В приподнятом настроении мы спустились вниз, где увидели маму, неподвижно застывшую с пустым подносом у окна.

– Доброе утро, мам! Что-то случилось?

– Нет-нет, милые, – в отличие от успокаивающих слов в хорошо знакомых оттенках маминого голоса мы уловили тревогу и неуверенность. Допытываться в чем причина не было смысла. Мама никогда не делилась своими переживаниями. Выросшая в большой семье, где часто не хватало самого элементарного, она привыкла самостоятельно справляться с проблемами и собственным настроением. Папу такое отношение удивляло и даже злило, но со временем он привык и перестал настойчиво предлагать свою помощь. В нашей семье самыми сплоченными и близкими людьми были мы с Жанной, что, конечно же, легко объяснялось общим рождением. Мама уверяла, хотя мы не больно-то верили, что сразу после появления на свет мы сплели ладони и так, не размыкая рук, провели большую часть младенчества. Ей даже приходилось силой разъединять нас, чтобы искупать или покормить.

С чем было связано мамино беспокойство, мы узнали гораздо позже: разумеется, без папиного участия здесь не обошлось. Его постоянные задержки и ночевки в городе, как оказалось, не всегда были вызваны долгом службы. Однако не станем забегать вперед, к тому же, это совсем другая история.

День в школе, вопреки опасениям, прошел отлично. Математик похвалил нас за правильно решенные задачи. Оказалось, что основная часть класса справилась не со всеми. Урок немецкого прошел в болтовне и обмене новостями, на немецком языке, разумеется. Чуть хуже обстояло дело с историей, которую мы вовсе не открывали. Но колесо фортуны в этот раз повернулось к нам счастливой стороной – отвечать домашнее задание ни мне, ни сестре не пришлось, и, отправляясь на последний урок изобразительного искусства, ничего плохого мы с Жанной уже не ожидали.

Но вот тут-то и просчитались. В середине занятия в учебную комнату вплыла миссис Доррит, классная Макса, дама серьезная и, я бы сказала, даже суровая. Двигалась и говорила она с особым нажимом: казалось, каждое движение дается ей с трудом. Она о чем-то потолковала с молоденькой преподавательницей рисования, и та, кивнув в нашу сторону, попросила меня и Жанну выйти вслед за миссис Доррит.

В коридоре мы увидели Макса. На лице его, как всегда бесстрашном, замерло странное выражение. Я пока затруднялась определить, что оно означало. Сказать, что мы были удивлены, – это означало бы не сказать ничего: за все время нашей учебы в школе нам никогда не приходилось видеть Макса в этом крыле. Он учился в отделении для младших мальчиков и подниматься сюда ему, как и всем остальным мальчишкам из их класса, запрещалось.

– Что ж, юные леди, я попрошу вас забрать Максима домой и не приводить больше в школу. Думаю, самым разумным решением будет перевести его на домашнее обучение. Но это мы уже обсудим с вашими родителями. Я бы хотела увидеть их на этой неделе в школе. Всего доброго! – с этими словами миссис Доррит резко, что свидетельствовало о бушующих в ней эмоциях, развернулась на каблуках и отправилась восвояси.

Нам не оставалось ничего другого, как отправиться домой пешком. Дождаться автобуса совсем не хотелось, да и по пути будет время все обдумать и решить, что именно и как стоит сообщить маме. На улице, к счастью, стояла вполне сносная погода, и даже периодически проскальзывало солнце. Обступив Макса с обеих сторон, словно охраняя, мы пустились в обратный путь. Выжать из брата хоть какую-то информацию по поводу происходящего не представ-

лялось возможным, и, сделав пару попыток, мы всю дорогу провели в молчании, каждый в своем. Когда до Джибелоу оставалось не более полукилометра пути, мы с Жанной решили, что поговорим с мамой после обеда, когда младшие уйдут спать, а до возможного приезда папы еще останется время. Что-то подсказывало, что отца в это дело посвящать не стоит. Пока.

К огромному удивлению и разочарованию, автомобиль отца мы заметили прямо у крыльца еще до того, как приблизились к нему. Внутри же не оказалось никого. Дверь была незаперта. С Жанной и Максом мы вошли в коридор, где в беспорядке валялась обувь, какие-то коробки и тряпки. Курточку Лили мы обнаружили брошенной на стуле, рядом с дверью. Что-то подсказывало, что нужно оставаться дома до возвращения родителей, поэтому лучшее, что можно было сделать, – это разогреть обед себе и Максиму и поесть. За этим-то делом нас и застала Юлия, которая была послана мамой, чтобы сообщить подробности случившегося.

Следует сказать, что Юлия закончила школьный курс задолго до переезда, перескакивая через классы, что давало ей огромное преимущество перед сверстниками. Преподаватели старшей сестры отмечали ее уникальные способности и прочили светлое будущее, которое, однако, было отложено на неопределенное время: для продолжения учебы требовались немалые средства, которых у нас пока не имелось. Предполагалось, что на новой должности папа сможет неплохо заработать, что позволит Юлии вернуться к продолжению обучения в обычный срок, без опережения. Она потеряет запасенное время, но не саму возможность получить серьезное образование. Так планировалось, но, к сожалению, не случилось. После произошедшего в Джибелоу Юле пришлось отказаться от выбранной ею профессии, как и от мечты стать свободным писателем. Теперешнее ее занятие не оставляет времени ни на что другое и хочется верить, что приносит хоть каплю удовольствия, во что лично мне верится с трудом.

Тем не менее, стоит вернуться к тому, что произошло в тот памятный декабрьский вечер. Юлия похвалила нас за самостоятельность и не отказалась от горячего морса. Во время розысков у Холодного Озера она жутко замерзла, что после обернулось для нее долгой простудой. Кашель мучил ее до самой весны. Потом говорили, что виной всему Ледяная Леди, которая не любит тех, кто пытается ей помешать.

– Девочки пропали, – сообщила сестра, обхватив озябшими руками теплую чашку в надежде немного согреться.

Рассказывая о Джибелоу, я упустила одну деталь. Детей в деревне было очень мало. Не считая нас и нескольких местных мальчишек, которые уже заканчивали школьный курс, вы не нашли бы здесь ни одного ребенка. Поэтому приезд школьного учителя стал для Лили событием, радостным и грустным одновременно. Грустным – от того, что пришлось попрощаться с обществом брата, который, несмотря на свою молчаливость и склонность к уединению, до этого частенько составлял ей компанию в прогулках и играх на чердаке. Мы с Жанной были слишком взрослыми, Юлия общалась с Лили только, когда укладывала младших спать. Теперь же малышка постоянно оставалась одна и большую часть дня проводила у окна, ожидая нашего возвращения, чтобы хоть немного поиграть с Максом и расспросить нас с Жанной о делах в школе.

Но как-то вечером на пороге дома появилась девочка, которая стала для Лили радостью. Хрупкая, тоненькая, белокурая, с нежными голубыми глазами – чистейший ангел. Она и характером обладала неземным. Наша непоседливая Лили рядом с ней казалась сорванцом. Тем не менее они с Катринкой подружились, да так, что не расставались с друг другом все время, пока девочка гостила у нас. А приходит она стала часто: мама вызвалась помочь молодой жене учителя, которая только-только оправилась после тяжелых родов и, кроме дочери, ухаживала за маленьким Питером, чье досрочное рождение задержало прибытие семьи в Джибелоу. Из-за него-то мы и приступили к занятиям позже остальных.

Справедливости ради стоит сказать, что Катринка хлопот маме не доставляла вовсе, скорее наоборот, она стала незаменимой для Лили. Своим мягким характером девочка сумела

расположить сестру и, несомненно, оказывала на нее умиротворяющее действие. Длинными зимними днями Лили и Катринка играли вместе в детской, а в хорошую погоду – в саду. Зима в Джибеллоу оказалась более приветливой: солнечные дни теперь случались гораздо чаще, и среди деревьев появилась целая россыпь снежных скульптур. Дочка учителя обладала удивительной способностью к созданию красоты: благодаря ее маленьким ручкам среди непроходимых садовых зарослей появились грациозные животные, которые издавна казались настоящими. Лили и Катринка не только лепили из снега, но и раскрашивали его в разные цвета. Особенно удачной получилась рысь, которая притаилась за ежевичными кустами и замерла в ожидании добычи. Я не удивилась бы, если б кто-то посторонний, случайно забредший в сад в позднее время, бросился от нее наутек. Справившись с домашними заданиями, мы с Жанной частенько присоединялись к играм девочек и помогали им наполнять наш дикий сад живыми существами. Грузная медведица, хрупкие олени, приземистый носорог, целая стая птиц – каждый старался во что горазд, населяя заросли обитателями. Были среди них и сказочные: эльфы, русалка, гном, единорог. Утомившись, мы часто играли в прятки. Конечно, спрятаться в зимнем саду было сложнее: деревья стояли голые, кусты просвечивали, построек не было, не считая маленького дровяного сарая, но при желании всегда удавалось отыскать укромный уголок. Сложнее всего было находить Лили. Я уже упоминала о ее способности исчезать и замирать в неподвижности. Кроме того, только Лили могла присутствовать одновременно в нескольких местах. Казалось, минуту назад она вертелась под ногами – и тут же испарялась и оказывалась в совершенно противоположной стороне сада. Лили обладала несовместимыми чертами характера: непоседливость, суетливость и взбалмошность сочетались в ней с кротостью, мягкостью и осторожностью. В ней словно боролись два противоположных начала: мама говорила, что в Лили есть понемногу от каждого члена семьи, а папа называл ее «хамелеоном».

Во время одной такой игры в прятки мы изрядно испугались, когда проискали сестру битых два часа, прочесав каждый уголок сада и окликая ее, и уже подумывали обратиться за помощью к Юле, когда Лили с самым спокойным и невозмутимым видом вышла из-за старой яблони и сообщила о том, что нашла «невероятное место», которое летом нужно обязательно превратить в «тайный дом». Оказалось, что ветви дерева сплелись под немислимым углом и в расщелине между ними образовалась удобная площадка, где при необходимости легко могли поместиться два, а то и три ребенка. Все по очереди мы забрались туда и одобрили план Лили по созданию «тайного дома». Если яблоня уцелеет в таком виде после расчистки сада, здесь получится отличный тайник, в котором можно хранить самые важные вещи.

Об этом-то месте мы и вспомнили первым делом, когда Юля рассказала об исчезновении Лили. Нужно сказать, что «пропажи» младшей сестры случались и до того, и все в доме к ним уже привыкли. Напрасно папа отчитывал Лили и объяснял, как сильно она пугает родителей и нас, ее сестер и брата. Лили продолжала «играть в прятки», но всегда благополучно находилась спустя какое-то время. Можно было предположить, что и в этот раз будет так же. Разница лишь в том, что в этот день Лили исчезла вместе с Катринкой, и довольно давно. Обычно сестра отыскивалась спустя час-два, максимум три. А сегодня прошло по меньшей мере пять: последний раз мама видела девочек в саду, когда вешала белье, около 11-ти. Когда же она вновь вышла во двор, спустя полчаса, чтобы позвать их домой выпить горячего чая, рядом с домом уже никого не было. Мама не придавала бы этому особого значения – возможно, дети играют в отдаленной части сада – если бы не найденная на крыльце курточка Лили: именно в ней сестра выходила гулять. Мама вернулась в дом, пребывая в уверенности, что девочки находятся в детской, но ни там, ни где-либо еще внутри их не оказалось. Юля поднялась на чердак и обшарила все уголки, но дети так и не нашлись. Паниковать пока было рано, но маму пугало то, что Лили оставила свою куртку, а во дворе, несмотря на солнечный день, было морозно.

Юля предложила сходить домой к учителю: возможно, Катринка решила навестить маму. Детям запрещалось уходить без разрешения, хотя Лили это редко останавливало. От Катринки такого не ожидали, но нужно было проверить все варианты.

Решено было сначала как следует осмотреть сад, а после сходить к родителям Катринки, чтобы не пугать миссис Морри заранее. Забегая вперед, скажу, что ни в саду, ни в доме учителя девочек не нашли, как и в других предполагаемых местах. Вызвали папу, мистера Морри пришлось отменить оставшиеся уроки и уйти из школы. И в то время, пока мы шли домой вместе с Жанной и Максом, к поискам присоединились уже многие жители Джибеллоу.

И вот теперь, слушая рассказ испуганной Юлии, мы с Жанной вспомнили о «тайном убежище». Бросив недоеденный обед, все вчетвером мы бросились в сад, на ходу застегивая пальто и куртки. Юля задержалась в коридоре чуть дольше, разыскивая свой старый плащ, и, не обнаружив его, накинула мамин, после чего в два счета догнала нас. В «тайном доме» никого не было. Мы разочарованно замерли у яблони, обдумывая другие варианты убежища, которые могли прийти в голову нашей непоседливой Лили.

Жанна задумчиво устремила взгляд на торчащий вдали среди деревьев конек соседской крыши. Могла ли Лили увести Катринку туда? Вряд ли. Лили никогда не стремилась к заброшенному дому и во время наших редких походов к нему всегда капризничала и просилась домой. Особняк казался ей зловецким и наводил страх.

Однако исключить такую возможность полностью мы не могли. Может быть, она решила похвастаться перед Катринкой собственной смелостью или просто решила показать ей заброшенную усадьбу. Так или иначе, нам с Жанной не оставалось ничего иного, как отправиться туда, пообещав Юлии, что, осмотрев дом, мы сразу прибежим обратно. Никто не исключал возможности, что дети могут неожиданно объявиться и вернуться самостоятельно, а Юле не терпелось вновь присоединиться к родителям: поиски длились уже немало времени и вот-вот должны были спуститься сумерки, поэтому еще одна пара ног и глаз была там совсем не лишней.

По пути к дому миссис Гринк мы с Жанной обдумывали, что скажем, если неожиданно обнаружим Леди в заброшенной усадьбе.

– Можно просто сказать, что решили поблагодарить ее за подарки и пригласить к чаю. Мы ведь не знаем, где искать дом ее тети.

– Только ты забываешь, что мама уже знакома с миссис Гринк, и только по чистой случайности мы еще не столкнулись с ней в нашем доме. Странно, что она ничего не сказала маме о своем знакомстве с нами.

– А почему бы нам не сказать ей все, как есть: что мы просто ищем Лили и Катринку. Это ведь правда. Не думаю, что она будет против.

– В самом деле. И как это сразу не пришло нам в голову?

Укромный Уголок встретил нас полной тишиной. Если Леди и была здесь сегодня, то не оставила ни следа своего пребывания. Снежная гладь неподвижно замерла впереди. Ни одного следа.

– Лили там нет, – твердо прошептала Жанна.

– Да, – медленно проговорила я. – Кажется, сюда давно никто не заглядывал. Снег совершенно нетронут.

Но уходить мы не торопились. Что-то заманчивое крылось в заброшенном доме. Укромный Уголок? Сегодня он выглядел именно таким. Неуверенно переглянувшись, мы с Жанной ступили на покрытую снегом дорожку. Тайна заброшенного дома не давала покоя, только до сегодняшнего дня что-то удерживало нас на расстоянии. Сейчас особняк не выглядел зловецким. Он казался умиротворенным и спокойным. Что скрывалось за этими окнами? Почему его оставили? Кто жил в нем, кроме таинственной леди? Нам хотелось узнать все.

– Юля ждет нас, – Жанне так же, как и мне, не терпелось взглянуть на Укрomный Уголок изнутри, но так же, как и мне, ей хотелось поскорее разыскать сестру, а здесь ее точно не было. В этом мы были уверены.

– Вернемся сюда в другой раз. Когда будет время.

– Да.

Еще несколько минут мы провели, молча стоя у ворот и глядя на стремительно тускнеющие окна. Что там, за ними? Спускался вечер, скоро станет совсем темно, разглядеть что-либо внутри не будет возможности. Мы медленно развернулись и побрели к своему дому, теплому и полному огней.

Юля ждала нас с нетерпением. На ее лице на мгновение промелькнуло оживание и тут же погасло, когда она увидела, что возвращаемся мы без Лили. Где же она, наша непоседливая сестренка? Этого мы не знали.

Только теперь мы понимали, что Укрomный Уголок хранит чью-то тайну. И мы обязательно должны ее разузнать.

7

Лили нашли поздно вечером, когда все уже почти отчаялись отыскать пропавших детей живыми. Скорчившись в неподвижный клубок, она лежала под куском брезента среди обломков старого лодочного сарая. Маленькая, замерзшая, вся в снегу. Но живая! Ей повезло, что вместо своей демисезонной курточки она умудрилась надеть изрядно поношенный, но невероятно теплый, с густой меховой подкладкой, Юлин плащ. Плащ достался Юле от бабушки, которая посчитала такую одежду самой подходящей для холодных зим в Джибеллоу. Двигаться в нем было практически невозможно, поэтому сестра облачалась в бабушкин подарок, только когда выходила во двор за дровами или по мелким хозяйственным нуждам. Лили же этот несуразный, огромный кусок материи спас. Полностью спрятавшись в него, она смогла сохранить тепло и не замерзнуть. Как крохотная девочка умудрилась проделать в нем такой путь и что побудило ее надеть это явно несоответствующее ее росту одеяние, осталось загадкой. Лили не смогла этого объяснить ни в тот вечер, ни в другие, когда оправилась после болезни. Конечно, не заболеть она не могла. Плащ спас ее от смерти, но любое переохлаждение укладывало Лили в постель так же верно, как и то, что все остальные в нашей семье практически не болели.

Катринку в тот день так и не нашли. Безуспешно пытались выудить у Лили хоть крупинку информации о местонахождении подружки. Она ничего не знала. Лили твердила только о какой-то даме, которая звала их кататься на лодке. Кататься на лодке? Зимой? По замерзшему озеру?

– Нет-нет, озеро не было замерзшим. Лодка качалась на волнах.

– Она бредит, у нее жар, – пояснял доктор. Но оставить Лили в покое означало оставить Катринку замерзнуть. Снова и снова мы задавали ей одни те же вопросы. И вновь слышали о лодке, качавшейся на волнах.

Поиски продолжались всю ночь, но безуспешно. Голубоглазого ангелочка так и не нашли. Ни в этот день, ни на следующий, когда Лили, описывая даму, неожиданно заявила, что эта была, скорей всего, миссис Гринк.

За миссис Гринк послали. Тогда-то мы и поняли свою ошибку. Описывая соседку, доктор говорил о женщине «ниже среднего», предполагая, что она показалась нам высокой с высоты нашего собственного, детского роста. Но эта круглолицая, пышнотелая женщина никак не могла считаться таковой.

– Это не миссис Гринк, – раздраженно заявила Лили и, перевернувшись на другой бок, устало закрыла глаза.

Кто же тогда эта высокая дама с водянистыми глазами? Была ли она у озера вместе с детьми? Или Лили все пригрезилось?

Нам пришлось кое-что рассказать взрослым о даме из соседнего поместья. Конечно, мы опустили многое и ни разу не упомянули о визитах в наш дом, но в общих чертах описали ее и пояснили, что именно эту женщину имела в виду Лили. Но никто не смог сказать ничего о таинственной леди, лишь доктор Квоу задумчиво пробормотал:

– Не может быть, не может быть... Неужели она вернулась?

Добавлять маме забот и рассказывать об исключении Макса в эти дни мы не стали. Мы надеялись, что миссис Доррит не станет тревожить родителей сейчас, когда наша сестра еще не встает с постели, а вторая девочка так и не нашлась.

Мама с легкостью согласилась на предложение оставить Макса на несколько дней дома, чтобы поддержать Лили, взамен взяв с нас обещание отнести записку миссис Доррит. Стоит ли говорить, что записку мы спрятали и передавать не стали.

Время шло. Катринку искали, уже ни на что не надеясь. Мама винила себя. Ей казалось, что если бы она отправила детей домой сразу, когда выходила в сад, ничего бы не случи-

лось. Миссис Морри, жена учителя, совсем отчаялась. Она все дни неподвижно стояла у окна, выглядывая Катринку, и, если бы не маленький Питер, которому требовалось много внимания, вполне могла бы потерять рассудок. К счастью, этого не случилось. Мистер Морри, осунувшийся и потерявший свой дружелюбный вид, на некоторое время оставил школу, чтобы заботиться о жене и малыше. Все в Джибелоу погрузились в напряженное ожидание страшной находки. Рождество в этот раз прошло мимо нас.

8

Навещая больную Лили и Юлию, непрекращающийся кашель которой вызывал у доктора серьезные опасения, мистер Квоу поведал историю, которая перевернула наши представления о Джибеллоу как о приятном, безмятежном месте с ног на голову. Историю Ледяной Леди.

– Возможно, мне стоило рассказать вам об этом раньше, предупредить... Хотя бы тогда, когда я увидел у вас эту игру. Но что это могло изменить? Да и в Джибеллоу уже так давно не исчезали дети... Ее не видели здесь уже девятнадцать лет... Кто бы мог подумать, что она вернется?

Доктор Квоу держал в руках дымящуюся чашку. Казалось, глаза его увлажнились, но может, виной всему был поднимающийся от кружки пар, который не давал нам точно разглядеть выражение его лица.

– Мне тогда было лет девять, чуть больше, чем Максиму. Но я помню все так, будто это происходило только вчера. В Джибеллоу приехала дама, с девочкой. Миссис Фриджид. Прибыли они откуда-то издалека, никто толком не знал откуда. Дом у озера в то время только-только опустел: его прежние владельцы переехали на юг, ближе к морю. Жена часто жаловалась на проблемы со здоровьем, и доктор посоветовал сменить климат. Так вот этот дом, Озерный Уголок, – тогда усадьба называлась именно так, в Укромный Уголок его переименовала как раз новая владелица – и перешел во владение миссис Фриджид. Мистера Фриджида никто никогда не видел. Полагали, что он оставил семью, но вполне возможно, что там случилось что-то нехорошее. По крайней мере, в свете последующих событий такие предположения высказывались. Приехали они поздним летом, но, несмотря на теплую погоду, за пределами усадьбы их видели очень редко. Да что там – даже в собственном саду они почти не появлялись. Все время проводили в доме. Только вечерами иногда гуляли вдоль берега, благо, участок их включал часть приозерной полосы. Знакомиться с кем-либо в Джибеллоу миссис Фриджид не стала. Единственными людьми, которые имели доступ в дом, были две женщины из города: известная своим резким характером повариха Люси и полная ее противоположность – кроткая юная девушка, чье имя я теперь и не припомню. Забегая вперед, скажу, что обе они исчезли из наших мест сразу после окончания службы у миссис Фриджид. Нет-нет, ничего криминального, просто в один момент собрали вещи и уехали. Семей у обеих не было. Хотя нет, пожалуй, у Люси был взрослый сын, только к истории это никакого отношения не имеет.

Большая часть произошедшего в доме известна жителям Джибеллоу как раз из уст поварихи, которая за словом в карман никогда не лезла и, несмотря на обещание, данное ей миссис Фриджид «не болтать лишнего», кое-что сообщала то одному, то другому. К слову, за это обещание обеим наемницам отдельно приплачивали к жалованью. И если девушка, занимавшаяся уборкой, его не нарушала, насколько мне известно, ни разу, то мадам Люси болтала направо и налево.

Так вот девочка, со слов поварихи, была такой же неразговорчивой и дикой, как и сама миссис Фриджид. За все время работы в Укромном Уголке наемницы не слышали от нее более двух слов в один день. Чем была вызвана такая молчаливость – недоверием, высокомерием, застенчивостью или чем-то еще – неизвестно, но назвать девочку неполноценной никак нельзя было, потому что со своей матерью она щебетала «как птичка». Мадам Люси неоднократно слышала ее смех и обрывки разговоров, когда заставляла обитательниц Укромного Уголка врасплох. Обе они тут же умолкали, а миссис Фриджид устремляла на повариху пристальный вопросительный взгляд, который «прямо пробирал до костей». Стоит сказать, что глаза у миссис Фриджид были весьма необычные: такой холодный, почти прозрачный голубовато-васильковый цвет, разбавленный молоком. Сложно описать, но каждый кто встречался с ней взгля-

дом, не мог отвести глаз и запоминал их навсегда. Если бы я увидел их вновь на совершенно другом лице, то несомненно узнал бы и сейчас.

– Да, это она, – ошеломленно пробормотала Жанна. – Я запомнила ее глаза. Только они не совсем васильковые, скорее небесно-голубые, почти прозрачные.

Доктор Квоу, казалось, не обратил на комментарий сестры ни малейшего внимания и продолжал свой рассказ:

– Конечно, о жительницах усадьбы и в городе, и в Джибеллоу болтали разное, но все слухи оставались лишь слухами и спустя пару месяцев начали утихать и, возможно, вскоре сошли бы на нет, если бы не то, что произошло позже.

Где-то на исходе октября в дом начали съезжаться гости. Весьма разрозненная, стоит сказать, там собралась компания. Среди приехавших были и молодые, не обремененные семьей люди, и почтенные дамы в возрасте, и солидные джентльмены, и пары с детьми. В общей сложности около тридцати человек. Все они поселились в Укромном Уголке, где неплохо проводили время, переходя от стола к танцам, от танцев к играм и обратно. Шампанское, фейерверки и музыканты наполнили этот молчаливый дом оживлением и суматохой.

Прекратилось веселье так же внезапно, как и началось: спустя недели две друг за другом гости начали разъезжаться и к середине ноября там почти никого не осталось. Дольше всех в усадьбе гостила молоденькая девушка, по всей видимости, родственница хозяйки. После рождественских праздников с Укромным Уголком попрощалась и она. И все вновь вернулось на круги своя: тишина, покой и закрытость усадьбы от посетителей. Время шло. Юная обитательница Уголка подрастала, и летом миссис Фриджид стала подыскивать ей учительницу. Отдавать Лею в школу она не спешила.

В это время в усадьбу по соседству, вашу усадьбу, Береговую бухту...

– А почему она так называется, доктор Квоу? Наш дом ведь от озера довольно далеко находится, – от хрипловатого голоса Юлии я даже вздрогнула: настолько неожиданно прозвучал вопрос.

– О да, сейчас это кажется странным. Логичнее было бы дать такое название дому у озера. Но когда-то на месте вашего дома находилось жилище старого моряка, который по окончании службы обосновался здесь. Это был очень давно, еще до моего рождения, но бабушка рассказывала мне о нем. Вероятно, он так скучал по морю, что решил увековечить свою любовь. А после уж название перешло и к новой усадьбе, построенной на месте старого домика после смерти моряка.

Так вот, о чем я... в Береговой бухте тоже появились новые жильцы. Дом, к слову, к тому моменту пустовал довольно давно: прежняя его владелица умерла здесь в преклонном возрасте, близких родственников у нее не нашлось, и, пока разыскивали наследников, прошло немало дней. Потом еще потребовалось некоторое время для оформления наследства и продажи дома, поскольку переезжать новые хозяева не планировали. И вот, как раз к лету, когда малышке Лее понадобился учитель, в доме появились жильцы. Новые хозяева приехали с двумя детьми: взрослой дочерью Анной, которая только-только окончила колледж, и младшей Вероникой, которая ни на минуту не расставалась с карандашом. Забегая вперед, скажу, что никто не ожидал, что между девочками из соседних домов зародится такая горячая дружба. Да только если что-то, кроме рисования, интересовало Веронику, то это была малышка Лея.

Подружились они не сразу. Сначала Анна стала ходить в Укромный Уголок, чтобы давать девочке уроки. Она неплохо знала языки, математику и литературу. И поначалу Лее этого оказалось достаточно. Музыка и танцам мать обучала девочку сама, а через некоторое время, узнав о страсти Вероники, в дом стали приглашать и ее, чтобы научить малышку рисовать. Вот так и получилось, что все свободное время они теперь проводили вдвоем, сидя в саду или на берегу озера с карандашами и альбомами.

– Так вот откуда взялись рисунки! – ошеломленно воскликнула Жанна. Я тоже тут же вспомнила о карандашных набросках, найденных нами на чердаке в первые недели пребывания в Джибеллоу. Мы с Жанной переглянулись, без слов читая мысли друг друга: нужно разыскать их после и аккуратно рассмотреть.

– Очень мило выглядели эти девочки, сидящие среди приозерных кустов в огромных шляпах, зажав карандаши в хрупких ручках... – доктор Квоу, казалось, погрузился в воспоминания.

– Да только недолго продолжалась эта дружба. К концу октября в дом вновь устремились гости: все та же разрозненная компания, за исключением нескольких новых лиц. Среди разношерстной публики, заполнившей усадьбу, выделялся один эффектный высокий джентльмен. Практически все время он просиживал у камина, курил и смотрел на огонь. В танцах, играх и других увеселениях не участвовал. Почти никогда не снимал шляпу и не улыбался. Лицо его светлело лишь при виде Леи. Ничего удивительного, конечно, если учесть, что ребенком она была очень милым: тоненькая, светленькая, вся в воздушных кудряшках. Такой ребенок не мог не вызывать улыбку, но расположение джентльмена к Лее было особенным. Казалось, она для него – единственная радость в череде мрачных дней. Он мог часами наблюдать за ней со стороны. Бог знает, что видел этот мрачный господин в чудесном светлом ребенке.

Предположения строились разные. Да только без толку. Думали даже, что незнакомец – тайный отец Леи. Но ничто, кроме особого его к ней внимания, не говорило в пользу такой теории. За все время пребывания он ни разу не то что не прикоснулся к девочке, но даже не подошел к ней и не заговорил. Были и другие, более зловещие предположения. Но опять же ничто их не подтверждало. Можно было бы подумать, что господин просто любит детей, но другие малыши гостя не интересовали вовсе.

За исключением нового посетителя все в доме было по-старому: то же внезапно нахлынувшее веселье, которое закончилось так же неожиданно, как и началось. Все разъехались, но только на этот раз в усадьбе задержался таинственный джентльмен. Молоденькая девушка, которая минувшей осенью загостилась в усадьбе, приехала чуть позже, как раз к отъезду гостей.

Новая волна слухов тут же накрыла Джибеллоу: Лею окрестили тайной дочерью мрачного незнакомца и юной гостьи, которую они приехали навестить. Но и этот слух угас, не найдя подтверждения. Да только атмосфера в доме постепенно накалялась. Миссис Фриджид периодически видели в саду с незнакомцем: беседы у них, судя по всему, выходили далеко не дружеские. Они то яростно спорили, то молча хмурились, то что-то выясняли, переходя на шепот.

Из обрывков разговоров поварихе Люси удалось кое-что выведать. В частности, утверждала она, отец Леи погиб, а незнакомец приходится ему каким-то родичем. Больше в сущности ничего сообщить она не смогла: жители усадьбы старательно хранили свою тайну и вели разговоры вдалеке от чужих глаз и ушей. Временами их видели на берегу озера, где они коротали время, прогуливаясь вдоль кромки воды и продолжая свой извечный спор.

Во время одной из таких бесед все и случилось. Анна, которая в это время приходила к Лее давать уроки, покидая усадьбу, увидела миссис Фриджид в саду, где та в очередной раз что-то объясняла таинственному гостю. Лея осталась в доме, но в какой-то момент ей захотелось чем-то поделиться с матерью, и она выбежала на крыльцо, накинув на плечи пальтишко. Конечно, увидев мать в саду с джентльменом, она поспешила туда. Но что-то внезапно остановило ее. Видимо, Лея услышала обрывок разговора, который заставил ее замедлить шаг. Какое-то время девочка стояла в тени кустов, скрытая от глаз беседующих толстыми переплетенными стволами. В этом месте она прекрасно могла слышать и видеть мать с ее спутником, но заметить Лею можно было только из дома. Подробности известны благодаря кухарке, которая в это время как раз готовила стол к обеду в малом зале с помощью молодой служанки. На некоторое время она подошла к окну и прекрасно запомнила все, что было дальше. Пару минут помедлив, Лея внезапно бросилась прочь из сада, не замечая, как ветви деревьев хлещут ее по щекам. У

калитки она на мгновение задержалась и, по словам кухарки, бросила в сторону сада взгляд, полный ужаса. Анна, которая еще не успела уйти далеко, видела, как Лея пронеслась мимо старой липы, растущей у дорожки к озеру. Лея бежала так быстро, что на ходу потеряла пальто, но даже это не остановило ее. Анна была последней, кто видел милую девочку в живых. Я все же склоняюсь к тому, что ребенок упал в озеро случайно, оступившись или поскользнувшись в спешке, но версия самоубийства жителями Джибелоу тоже озвучивалась. Истинную причину гибели Леи никто уже не узнает. Из озера девочку вытащил таинственный гость, который вместе с миссис Фриджид поспешил по ее следам. Анна, вернулась в усадьбу, чтобы предупредить хозяйку о поспешном бегстве своей ученицы. Но было уже слишком поздно. Молоденькая учительница больше всего опасалась, что Лея простудится без пальто, которое Анна подобрала у липы и принесла с собой. Предположить, что девочка упадет с обрыва и пальто ей больше не понадобится, она, конечно, не могла.

Собственно, на этом история могла бы закончиться, но она имела печальное продолжение. После похорон Леи и поспешного отъезда молодого джентльмена, хозяйка отправилась к месту ее гибели и прыгнула в темные озерные глубины. Зима в тот год была поздней и мягкой: озеро долго не замерзло. В декабре оно было покрыто лишь тонкой ледяной пленкой, которая тут же сомкнулась, похоронив в себе убитую горем женщину. Возможно, она винила себя в гибели дочери, возможно, посчитала жизнь без нее бессмысленной, но оставаться в этом мире без Леи она не захотела. Молодая гостья, которая задержалась в Укромном Уголке, надеясь утешить хозяйку, уехала спустя пару дней. Две наемницы, приведя в порядок дом, тоже поспешили его покинуть. Люси, правда, предварительно не забыла оповестить всех джибелоуцев о подробностях произошедшего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.